

**Отзыв на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская
литература и литературы народов Российской Федерации
Горбаренко Екатерины Алексеевны
«Горизонты ожиданий в романах Ф. М. Достоевского»**

Диссертация Горбаренко Екатерины Алексеевны производит очень хорошее впечатление своей обстоятельностью, систематичностью, масштабностью задействованного научного аппарата. Диссертант показал филологическую эрудицию и профессиональность. В работе приведен огромный фактический материал, выбор которого свидетельствует о тонком чувстве текста и художественных приемов Достоевского. Диссертация отличается тонким проникновением в художественную ткань Достоевского, способностью переходить от отдельных наблюдений к широким обобщениям, исчерпывающим знанием критической литературы по изучаемой проблеме, прекрасным владением корпусом текстов как Достоевского, так и критической литературы о нем. Работа отличается богатством языка, терминологической новизной и композиционной стройностью. Сам текст диссертации иерархически структурирован на главы, параграфы и выводы по главам, что помогает его восприятию как целостности. Основательностью отличается теоретическая база исследования, охватывающая труды по рецептивной эстетике, философии диалога и полифонии, теоретическим проблемам взаимодействия автора и читателя, культуролого-психологическим основам восприятия художественного текста. Широко привлекаются также исследования творчества Достоевского по выбранной автором теме. Диссертация раскрывает ранее не изученную с такой обстоятельностью тему «горизонтов ожидания» в «пятикнижии» Достоевского с помощью современной научной методологии, в то же время в значительной степени опираясь на классические труды М.М. Бахтина, Н. Чиркова, Х.-Р. Яусса.

Вместе с тем диссертант предлагает инновационное понимание термина «горизонт ожидания». Х.-Р. Яусс утверждал, что «для каждого произведения читательские ожидания складываются в момент появления произведения из предыдущего понимания жанра, из форм и тематики уже известных произведений, из контраста между поэтическим и повседневным языком». Диссертант предлагает приложить *это понятие не только к читательскому восприятию*. То есть помимо уровня «Читатель ↔ Произведение» и «Автор ↔ Произведение ↔ Читатель», диссертант добавляет новые уровни: «Автор – Герой» и «Герой – Герой», в основном сосредотачиваясь именно на последнем уровне.

Диссертанта прежде всего «интересуют герои романов Достоевского и их субъективные «ожидания», сбывшиеся и несбывшиеся» (с. 10). Мы считаем такой подход оправданным и методологически перспективным, потому что весь психологизм Достоевского основан на неопределенности характеров героев, построенных зачастую на соединении «несовместимых» качеств, в

результате чего их личности лишены стабильности и предстают как «переменные», а не как «константы». Поэтому они *становятся* как личности на наших глазах по мере течения романного сюжета. Такое возможно именно благодаря неясности для них самих их будущего, их целей и идейных установок, которые они обязательно меняют хотя бы один раз (а зачастую и больше) на протяжении романа. Так что их сознание удобно описывается через многократную смену «горизонтов ожидания».

Важным представляется для диссертанта также «комплекс представлений автора о возможной логике развития сюжета, а также характерах героев» (с. 13).

Удачной представляется нам попытка Екатерины Алексеевны разработать классификацию «горизонтов ожидания» в сознании героев. В качестве дефиниций она выделяет «субъективные представления самих героев, связанные с их аксиологическими ориентирами», а с другой стороны, «персонифицированные» горизонты ожидания, то есть воплощенные в других персонажах, к которым герои притягиваются душой и связывают свою судьбу. Также выделяются «противоположно темпоральные (перспективные и ретроспективные); «персонажные» и «авторские».

Выскажем, однако, замечание: если «персонифицированные» горизонты ожидания постоянно именуются таковыми, то «субъективные», или идейные, обозначаются множеством различных терминологических определений: «персональные», «личностные», «идейные», «аксиологические», «ценностные». Хотя всякий раз понятно, о чем идет речь, это немного усложняет чтение работы, и лучше было бы прийти к некоему терминологическому единообразию.

Применяемый анализ горизонтов ожидания позволяет исследователю вскрыть специфику идейно-художественного построения каждого из романов «пятикнижия», которые зачастую выводятся Екатериной Алексеевной из заглавий романов как ключей к их внутренней организации. Диссертант делает тонкие наблюдения над поэтикой: «горизонты ожиданий» могут быть подвижными, пересекающимися, а также персонифицированными в образах героев, наделенных ценностно значимыми чертами и качествами».

Однако здесь нам представляется возможным сделать еще одно уточняющее замечание: уже в этом определении наблюдается «сращивание» двух типов горизонтов ожидания. Действительно, поскольку очень многие герои в «пятикнижии» Достоевского являются носителями идей (а соответственно и идеалов, «ценностей»), то они соединяются в себе для других героев как «аксиологические», так и «персонифицированные» горизонты ожидания. Конечно, так происходит не всегда, а только в случае идейно значимых героев. (Так, к примеру, в 1 главе исследовательница сама отмечает: «Справедливость как ориентир и горизонт ожиданий акцентированно выражен в образе мачехи Сони Мармеладовой, Катерины Ивановны», хотя вряд ли эту героиню можно

назвать героем-идеологом). Точно так же можно говорить, что у Раскольникова по отношению к Соне существует как «персонифицированный» горизонт ожидания, поскольку он испытывает к ней любовное чувство, так и ценностный, поскольку она является носителем религиозной идеи. То же относится и к Макару Долгорукому в романе «Подросток»: он представляет для Аркадия как человеческий, так и духовный ориентир.

В целом в первой главе, посвященной «Преступлению и наказанию», акцент делается на «рассогласованности идейных и персонифицированных горизонтов ожиданий в романе. Главными горизонтами закономерно оказываются «горизонт преступления» и «горизонт наказания», обозначенные заглавием романа.

Совершенно справедливо исследовательница отмечает: «Почти все персонажи, с которыми Раскольников вступает во взаимоотношения, способствуют его колебаниям, влекут или отталкивают от идейного преступления. Тем самым многие из них предстают для него персонифицированными «горизонтами ожиданий»» (с. 51).

Интересным нам показался анализ снов в «Преступлении и наказании» как о ретроспективных «горизонтах пережитого», которые тем не менее оказываются проекциями из прошлого в будущее, ибо свидетельствуют о жизни души и указывают судьбу героев. Следовало бы однако, на наш взгляд, прояснить, не соотносятся ли сны Свидригайлова с его же представлениями о вечности (как низенькой комнатки с пауками) в качестве подобного же горизонта ожидания?

В выводах по 1 главе исследовательница отмечает: «Вся образная система произведения пронизана токами *преступлений* и *наказаний*. У каждого персонажа они свои, и это их личностные «горизонты ожиданий». Они могут их навязывать другим: так поступают Катерина Мармеладова и Родион Раскольников по отношению к Соне, Порфирий Петрович – к Раскольникову. Случается иначе, когда два героя находят общий спасительный горизонт ожиданий. Такое суждено Родиону и Соне, Дуне Раскольниковой и Разумихину» (с. 51). Значит ли это, что Дуне и Разумихину также присущи «личностные горизонты преступлений и наказаний? Хотелось бы, чтобы Екатерина Алексеевна разъяснила этот момент.

Во 2 главе разбираются горизонты ожидания в романе «Идиот». В ней убедительно показывается, что Мышкин – «общий для остальных персонажей «горизонт ожиданий», но при этом «крайне разнородный, противоречивый и, как правило, постепенно *становящийся* и *корректируемый* «горизонт», неоднозначность которого задается в самом названии романа»» (с. 56). Исследовательница имеет в виду провокативно звучащее наименование князя «идиотом». Это вполне правомерно: горизонт ожидания в отношении Мышкина меняется многократно на протяжении всего романа и у окружающих его героев, и у читателей. Недаром фигура Мышкина вызывала и вызывает так много споров и различных толкований.

Однако утверждение, что горизонт ожидания князя – «горизонт смерти»,

по нашему ощущению, нуждается в корректировке или уточнении: так можно считать только в том случае, если князь до конца не находит веры в Христа как в Бога, в соответствии с книгой Э. Ренана «Жизнь Иисуса». Мы, конечно, помним, что мотив смертной казни звучит в романе постоянно и князь в значительной мере способствует его распространению. Но ведь не только он: независимо от князя, приговоренными к смерти осознают себя и Настасья Филипповна, и Ипполит. Князь же пытается им дать надежду, как и всему человечеству: на званом вечере он уже в открытую проповедует истинного, православного Христа, соответственно проделывает эволюцию от неверия к вере, от отчаяния к надежде. Соответственно у него не один, а как минимум несколько горизонтов ожидания.

В 3 главе, посвященной рассмотрению романа «Бесы», акцент делается на отсутствии главного героя и связанной с этим «хаотичностью горизонтов ожиданий», или «бесовщиной». Буквальным «воплощением» ее предстает Петр Верховенский, «уникальность» которого «в том, что он способен жить на сочетании и перекрестье кардинально разных своих и чужих «горизонтов». Он остается свободен даже от собственных, тем более от чужих увлечений, в чем выражается и признается им самим его душевная ущербность» (с. 115).

Также в данной главе отмечается: «Здесь нет полноценных персонифицированных горизонтов, то есть таких, к кому интерес остальных персонажей не остывал бы или не менялся кардинально». С этим утверждением мы бы поспорили: личные привязанности в романе «Бесы» играют значительную роль, может быть, даже большую, чем в предыдущих романах «пятикнижия», и некоторые из них остаются неизменными: например, привязанность Дарьи Шатовой или Лизаветы Тушиной к Ставрогину, взаимная привязанность Степана Трофимовича Верховенского и Варвары Петровны Ставрогиной. Отношения Эркеля и Петра Верховенского тоже строятся на личной привязанности. Следовательно, имеют место быть персонифицированные горизонты ожидания. Если исследовательница не согласна с нами, просим ее прокомментировать свою точку зрения.

Особой удачей Екатерины Алексеевны в данной главе представляется разбор столь сложного и противоречивого образа Хромоножки, что еще раз доказывает перспективность избранного ею метода и понятия горизонтов ожиданий.

В следующей 4 главе, посвященной рассмотрению романа «Подросток», акцент делается на раскрытии механизма становления главного героя, вскрытого как «конкуренция *трех персонифицированных и одного идейного горизонтов ожиданий*: это два его «отца», Версильев и Макар, Екатерина Ахмакова, и «ротшильдская идея». Исследовательница видит важное своеобразие данного романа в том, что в нем, как ни в каком другом, главный герой (Аркадий Долгорукий) оказывается «персонализированным горизонтом ожиданий для автора и читателей». Тем самым задействованы оказываются в полной мере новые, специфические горизонты ожидания.

Очень тонко проанализированы в данной главе мотивные взаимосвязи

«Подростка» с предшествующими ему романами «пятикнижия», равно как и смысловые нити, ведущие к роману последующему – «Братьям Карамазовым».

На месте исследовательницы, мы бы, пожалуй только сделали бы больший акцент на двугеройности данного романа: и Аркадий, и его отец Версилов, на наш взгляд играют в романе одинаково важную роль и *оба* находятся в *становлении*, что проявляется в наличествовании у обоих множественных горизонтов ожидания. Позволим себе сделать уточняющее замечание: по мнению исследовательницы, «оба отца [Аркадия]–«странники», но очень разные по значению и географии исканий». На наш взгляд, странником можно назвать именно и только Макара Долгорукого, в то время как Версилова в романе именуют «скитальцем», что в корне меняет природу его странствий и духовных поисков. Версилов – дворянин и «европеец», с потерянными жизненными ориентирами, в отличие от странника, идущего с определенной духовной целью.

В 5 главе исследуются преимущественно два главных горизонта ожидания: «братства» и «карамазовщины». Оба понятия анализируются в главе достаточно полно и во всей их многозначности, что делает данную главу особенно выигрышной. Показана сложная диалектика их взаимоотношения, противоборства и даже взаимопроникновения. Со всеми рассуждениями соискательницы мы соглашаемся, но хотели бы добавить кое-что от себя. «Карамазовщина» расширяется на наш взгляд, не только на русскую, но и на человеческую телесную природу в целом (поэтому и говорится в связи с ней: «Широк человек, слишком широк! Я бы сузил»). Эта страстная телесная человеческая природа, с одной стороны, низка, а с другой стороны, спасительна своей неумною жаждой жизни и привязанностью к земле, что часто спасает героев, помогая им «возлюбить жизнь более, нежели смысл ее», и через Землю познать любовь и путь к Богу. В свою очередь, «братство» шире и выше семейных уз, и его следовало бы возводить к желанию всемирного единения в гармонии – одному из заветных идеалов Достоевского, равнозначного для него хилиастическому царствию Божию на Земле. В связи с таким масштабом мы бы вообще отбросили понятие «сестринство», тем более что сердечная привязанность между женщинами в «пятикнижии» практически не отображена.

Иногда в диссертации встречаются, на наш взгляд, неудачные выражения. К примеру: «оздоровительная миссия» (о Мышкине), «горизонт между жизнью и смертью», «самоубийственный горизонт» – все-таки метафора не должна идти против первичного значения слова.

Все высказанные замечания носят факультативный, уточняющий характер и не влияют на общее положительное впечатление от работы, которую мы считаем состоявшейся и новаторской. Считаем работу соответствующей всем требованиям, предъявляемым ВАК РФ. Автореферат и публикации по теме в полной мере отражают ее содержания и положения, выносимые на защиту. Диссертация прошла необходимую апробацию на всероссийских, межвузовских и международных конференциях. Содержание

работы отражено в 8 опубликованных работах, все – по теме диссертации. В том числе 5 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 1 – в научном международном рецензируемом журнале, 2 – в сборниках материалов конференций.

Диссертация «Горизонты ожиданий в романах Ф. М. Достоевского» соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, отрасли наук – Филологические науки и требованиям п.9 Положения о присуждении ученых степеней в УРФУ, а ее автор Горбаренко Екатерина Алексеевна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Официальный оппонент
Креницын Александр Борисович
доктор филологических наук
по специальности 10.01.01 Русская литература
профессор кафедры
истории русской литературы (ruslit@philol.msu.ru)
филологического ф-та
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
филологический факультет: <https://www.msu.ru>, тел. 8(495) 939-32-77

личные данные:

derselbe@list.ru

+7 926 521 7844

 (Креницын А.Б.)

Подпись удостоверена:

02.12.2024

Подпись заверяю

